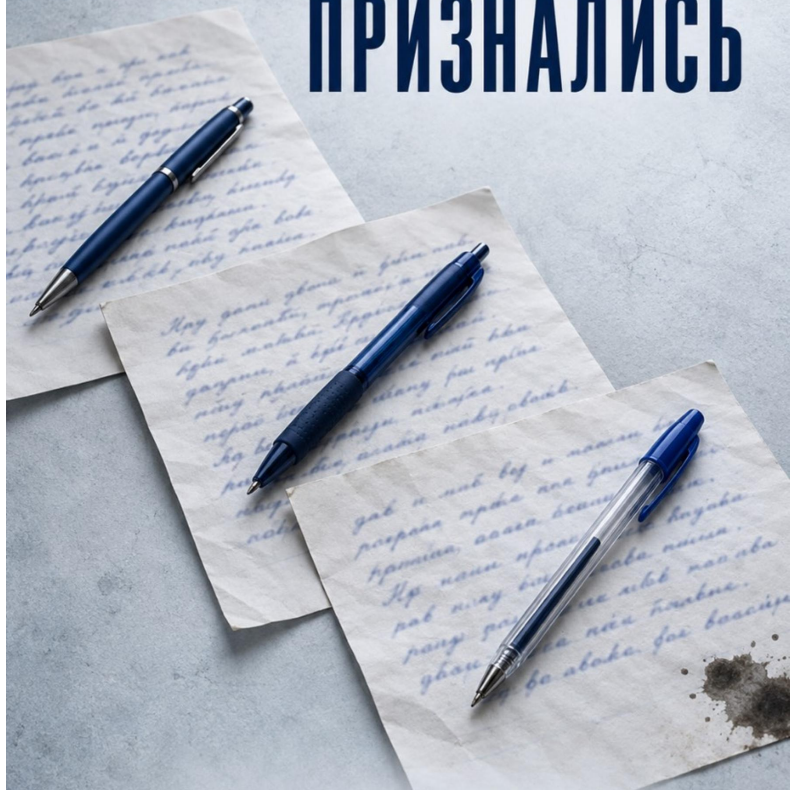

ТРОЕ ПРИЗНАЛИСЬ

А.М. СУНГУРСКИЙ

А.М. Сунгурский

Трое признались

<https://litres.ru/74663312>

SelfPub; 2026

Аннотация

В калужском автосервисе убит владелец. Наутро к следователю Михаилу Туманову приходит мужчина с повинной. Следом — женщина. В понедельник появляется третий.

Все трое знают непубличные подробности, но описывают разные места, разное время и разные удары. Выбрать один рассказ нельзя: за каждым стоят люди, которым уже успели солгать.

Туманов восстанавливает вечер по звонкам, поездкам и следам. Ему нужно понять не только, кто убил Павла Муромцева, но и почему трое незнакомых людей назвали убийцей себя.

Содержание

Глава 1. После первого звонка	4
Глава 2. Тесто поднимется без неё	17
Глава 3. Девятнадцать минут	29
Глава 4. Суп на двоих	47
Глава 5. Со стороны склада	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

А.М. Сунгурский

Трое признались

Глава 1. После первого звонка

Человек с повинной пришёл, пока в автосервисе ещё искали пропавший ботинок.

Туманов узнал о нём по телефону. Дежурный сказал, что мужчина называет себя убийцей Муромцева, документы принёс, уходить не собирается. На вопрос, не выпил ли, обиделся. Сидит возле окна и поправляет на коленях шапку.

Михаил посмотрел через стеклянную перегородку в рабочий бокс. Там было светло, как в магазине после закрытия: вещи ещё предлагали себя людям, которым больше ничего не требовалось. На стеллаже стояли канистры, на стене висел календарь с чужим автомобилем. Подъёмник занимала серая машина без переднего колеса. Павел Муромцев лежал у длинного верстака; его левую ногу прикрыли, правая оставалась в носке.

— Что рассказал? — спросил Михаил.

— Что ударил возле ворот. Потом затащил внутрь.

— На вопросы пока подробно не спрашивайте. Оформляйте сообщение, объясните права. С защитой тоже разберёмся сразу.

Сотрудник в трубке ответил уже другим, рабочим голосом. Михаил убрал телефон и попросил оперативника выйти на минуту.

Капитан Еремеев появился из-за стеллажа, держа в руках только блокнот. На правом рукаве его куртки прилип белый пух; он заметил взгляд Туманова, посмотрел на плечо и оставил пух на месте.

— Сам пришёл, — сказал Михаил. — Говорит, у ворот ударил. Фамилия Лисов. Валентин Иванович.

— В списках есть?

— Сейчас сверим.

За воротами ворочалась субботняя Калуга. По проезжей части шли машины, у соседнего склада работник скреб лопатой мокрый песок. Никакого снега ещё не было, но ночь выстудила воду в выбоинах, и от шагов ломалась тонкая корка. Михаил приехал сюда после девяти вечера; теперь утренний свет делал место менее страшным и гораздо более неопрятным. Чужая смерть успела обзавестись окурками у ограждения, примятыми стаканами и людьми, которые спрашивали, скоро ли можно забрать машину.

Еремеев нашёл фамилию в телефоне.

— Дочь — Нина Лисова. Работает здесь. Она вызвала помощь.

Михаил вспомнил девушку у ворот. Она стояла в расстёгнутой куртке, хотя женщина из скорой велела застегнуться. Её уже отпустили после необходимых действий, договорив-

шись продолжить разговор днём. Лисова называла себя снабженцем, потом поправилась: снабжение, записи клиентов и иногда всё остальное.

— Что она сказала про отца?

— Вчера? Что живёт с ним. Он бывший водитель автобуса. На пенсии, иногда подрабатывает. Больше пока ничего.

Михаил посмотрел на часы. Восемь семнадцать. Человек с повинной успел одеться, взять паспорт и доехать к дежурному, а дочь либо знала об этом, либо сейчас просыпалась в квартире, где его уже не было.

— С Ниной свяжись отдельно, — сказал он. — Узнай, где она, и договорись о времени. Про отца пока не передавай ей его рассказ. И его о дочери не спрашивайте за меня.

Еремеев кивнул. Он не любил, когда ему перечисляли очевидное, но за ночь Михаил уже дважды слышал, как очевидное превращалось в пропущенное.

В боксе специалист о чём-то спросил фотографа. Они подождали, пока тот закончит, затем передвинули лампу. С пола поднялся свет, скользнул по нижней полке верстака, по заляпанному колесу, оставленному у стены. Лежавший на полу человек на секунду оказался целиком в чужой рабочей тени.

— Ботинок? — спросил Михаил, вернувшись.

— За колесом, — ответил криминалист. — Ещё не трогали. Правый.

Он показал, откуда предмет стал виден после перемены света. Михаил подошёл настолько, насколько было нужно, и

остановился за обозначенной границей.

Между стеной и колесом чернел мужской полуботинок. Носком к стене, подошвой немного наружу. До него тянулось пространство, в котором вчера все старались ничего не за-
деть. В первый час его не обнаружили.

— Зафиксируйте положение. Потом отдельно сопоставим с тем, что перемещали медики и кто ещё подходил.

Под затылком Муромцева виднелась тёмная красная ткань. Не тряпка из груды у стеллажа: край был подшит, с одной стороны торчали несколько длинных нитей. Лисова сказала ночью, что сунула ему под голову свой шарф. Не знала, правильно ли. Пыталась говорить быстро, потом переставала отвечать посреди предложения и смотрела на руки.

На каждого девушка смотрела так, словно он сейчас произнесёт слово, после которого её больше не выпустят за ворота.

Михаил закончил то, что нельзя было оставить, передал ближайшие действия коллегам. Перед выходом ещё раз прошёл глазами помещение, стараясь удержать расстояния, которых потом не будет в кабинете. От верстака до двери. От двери до низкого стола в углу. От стены, за которой находилась приёмная, до машины на подъёмнике.

У ворот его остановила женщина в светлом пальто. Она не лезла под ленту и не пыталась показать удостоверение. Просто встала так, что обойти её, не заговорив, было бы намеренной грубостью.

— Людмила Муромцева, — сказала она. — Мне вчера сказали, вы здесь старший.

Михаил представился.

— Я уже дала телефон. И ключи от дома, которые просили. Мне теперь куда?

Он объяснил, где и когда они смогут подробно поговорить. Вдова слушала, плотно сцепив пальцы на ручке сумки. Левый ноготь сломался почти до мяса. Она заметила, что Михаил смотрит на руки, и спрятала их в карманы.

— Мне звонят, спрашивают, работает ли сервис. Вы можете кому-нибудь сказать, что он не работает?

— Сотрудники здесь есть?

— Есть. Они мне и звонят. Каждый спрашивает у меня.

Её голос не дрожал. Дрожала нижняя губа, когда она замолкала, и Михаил старался не выдерживать паузу дольше нужного.

— Я попрошу организовать связь с клиентами по этому вопросу. Не все автомобили сейчас можно будет выдать. С вами отдельно согласуют, что разрешено.

— Он вчера сказал, будет к восьми. Я ему суп оставила на плите. Не включённой, конечно. Просто на плите.

Она посмотрела в сторону бокса, затем обратно на Михаила.

— Мне надо идти выключать холодильник здесь? Продукты пропадут.

Он не сразу понял, что речь о маленьком холодильнике

в комнате отдыха. Пообещал передать сотрудникам, чтобы согласовали доступ и разобрались с продуктами. Людмила дважды кивнула, словно именно это было главной причиной её приезда.

Когда Михаил сел в машину, телефон снова зазвонил. Дежурный сообщил, что Лисов согласился дождаться защитника. Его письменное сообщение зарегистрировано.

— Он ещё просит позвонить начальнику парка. Там на сегодня договаривался, что подменит человека. Говорит, тот будет стоять на морозе.

— Пусть сообщит, что не выйдет. Помогите ему связаться.

Михаил закончил разговор и позвонил Зое.

Дома в это утро собирались разбирать комнату сына. Не выбрасывать вещи: Арсений наконец снял постоянное жильё и попросил отправить часть книг. Зоя уже неделю складывала их на полу по какому-то своему правилу, и Михаил должен был только приносить коробки и не пытаться читать всё заново.

— Я сегодня позже, — сказал он.

— Я догадалась.

В трубке что-то скребло, потом глухо упало.

— Что это?

— Его атлас. Жив. Пол тоже. Ты ел?

— Ещё нет.

— Поешь где-нибудь. Я до трёх закончу и поеду посмотреть

помещение.

Михаил помнил, что она собиралась: небольшая комната для швейных заказов рядом с её нынешней работой. Дома всем мешали машинка, рулоны и клиентки, которые «только на минутку». Он считал, что после отъезда сына хватит освободившейся комнаты. Зоя хотела выходить на свою работу из дома, и это оказалось другим желанием.

— Ты без меня?

— Я же сама его снимаю. Ты, если успеешь, подъедешь.

— Успею — подъеду.

Она попросила не обещать хозяйке от её имени ничего, если вдруг позвонит раньше. Михаил сказал, что не собирался, и услышал короткий смешок.

— Хорошо. Тогда до вечера.

Он убрал телефон. У соседнего склада работник закончил с лопатой, отнёс её к стене и стал отогревать пальцы дыханием. Михаил достал из бардачка вчерашнее печенье. Одно разломилось в упаковке; он съел обломки, стряхнул крошки с куртки и только потом завёл двигатель.

Лисов оказался человеком с лицом, которое не подходило к его неподвижности. Такие лица Михаил видел у водителей, умеющих одновременно следить за дорогой и разговаривать со всем салоном. Широкие брови, живой рот,

привычная готовность переспросить. Теперь мужчина сидел прямо и смотрел на металлическую ножку стола.

Рядом находилась адвокат Елена Суханова. Михаил представился обоим, уточнил, достаточно ли времени было для разговора наедине. Суханова ответила, что на этот момент — да. Лисов подтвердил своим коротким «поговорили».

Михаил объяснил, какие действия сейчас проводятся, напомнил о праве не отвечать. Потом попросил рассказать всё с начала, своими словами.

Лисов поднял глаза.

— Я не прощу себе, если вы другого возьмёте.

— Кого другого вы имеете в виду?

— Кого найдёте. Я ведь сам пришёл. Меня никто не искал.

— Расскажите о своём действии.

Он рассказал, что приехал к Муромцеву в пятницу примерно без четверти восемь. Спорили о машине. Какую машину, Михаил спросил позже, когда Лисов уже назвал железную трубу, удар возле ворот и то, как тащил человека внутрь.

Трубу мужчина описал странно: длину показал уверенно, толщину — после паузы. Сказал, что она лежала на низком ограждении. Одним концом, другим «туда, внутрь». На просьбу уточнить внутреннее направление ответил, что со стороны сервиса.

— Ударили один раз?

— Два.

— Куда?

— По голове. Он наклонился, я опять.

Лисов положил ладони на стол, не показывая движения. Суханова записала что-то в блокноте. Михаил не подал ему ни схему, ни фотографии.

— После этого?

— Затащил. За руки. Чтобы не оставлять на дороге.

— Муромцев находился на проезжей части?

— У ворот. Я же сказал.

— Где именно относительно ворот?

Лисов выдохнул через нос.

— Справа. Если входить. Там угол.

Михаил попросил описать путь до верстака. Мужчина начал от входа в сам бокс, пропустив двор, и вернулся к воротам только после уточнения. Машину на подъёмнике не назвал. Сказал, что держал человека под мышки, потом поправился: за кисти, так было удобнее.

За ночь в этом боксе побывали люди, которым было очень неудобно. Михаил дождался, пока Лисов закончит.

— Что вы делали с головой Муромцева, когда положили его?

— Подсунул тряпку. Красную. У него там на полке лежала.

— Для чего?

— Кровь. Я не знал, куда её. Она шла.

Он потёр ладони, разжал. На костяшках не было свежих

повреждений.

— Ещё что-нибудь перемещали?

— Нет.

— Одежду, обувь?

Валентин Иванович посмотрел на Суханову, затем ответил:

— Правый ботинок слетел. Я его к стене убрал. За колесо.

Михаил записал это отдельно. Ботинок нашли меньше часа назад. В газетах и общих сообщениях не было ни его, ни красной ткани. Лисов мог знать положение предметов; пока оставалось выяснить, что он действительно делал.

— Чем приехали? — спросил Михаил.

— Автобусом.

— Работали?

— Пассажиром. Я уже не работаю постоянно.

Он назвал остановку, с которой пошёл пешком. Номер маршрута вспоминал долго, потом сказал, что номер не смотрел: ехал в нужную сторону. На участке у сервиса не было остановки прямо напротив ворот. Михаил отметил, откуда, по словам Лисова, тот пришёл.

— С Муромцевым вы прежде встречались?

— Встречались.

— При каких обстоятельствах?

— Дочка здесь работает.

Он произнёс это впервые и как будто потерял часть жёсткости в плечах. Повернулся к окну, затем опять сел прямо.

— Её не было, — добавил он. — Я за себя пришёл.

— Вы говорили с Ниной вчера после посещения сервиса?

— Она ничего не знает.

— Я спрашиваю, разговаривали ли вы.

— Дома. Ночью. Но про это она ничего не знает.

Туманов отложил ручку, разогнул сведённые пальцы.

— Вы сказали, приехали из-за машины. Что случилось с машиной?

Лисов перестал смотреть на него.

— Разное было. Он обещал, потом не сделал.

— Чья машина?

— Нашей семьи.

— Марка, номер?

Валентин Иванович назвал Нинину машину. На ней девушка вчера подъехала к сервису. Михаил видел её уже за воротами, когда Лисова показывала, где оставила автомобиль. Машина была на ходу.

— С ремонтом что именно?

— Вы у него теперь не спросите, — сказал Лисов. — Я могу наговорить, что угодно. Мне не надо, чтобы из него делали плохого.

Суханова подняла голову. Михаил попросил мужчину всё же назвать предмет ссоры. Тот помолчал и сказал, что дальше хочет говорить после ещё одной консультации.

На этом вопросы остановили.

Валентин Иванович перечитал запись, задержался на сло-

вах о дочери. Суханова спросила, хочет ли он что-нибудь уточнить. Мужчина покачал головой и попросил ещё несколько минут. Михаил вышел, оставив их наедине.

В коридоре Еремеев догнал Михаила у пустого автомата с водой. Поставил свою бутылку на подоконник, открутил крышку.

— Нина уже едет. Я ей не успел ничего сказать, она сама спросила, у нас ли отец. Дома его нет, телефон не отвечает. Начальнику парка он позвонил ещё утром, до выхода.

— О ней самой что?

— Говорит, приедет и расскажет. Со своим адвокатом, нашла по знакомым. Просит отцу не давать подписывать за неё.

Михаил посмотрел на дверь кабинета, где оставались Лисов с Сухановой.

— За неё?

— Так сказала.

Еремеев сделал глоток, завернул крышку. По его лицу нельзя было понять, считает ли он, что утро наконец прояснилось.

Дверь в дальнем конце коридора открылась. Сотрудница дежурной части шла к ним, держа у груди несколько листов. Михаил подумал о необходимых формальностях по Лисову и шагнул ей навстречу.

— Тут ещё женщина, — сказала она. — По Муромцеву. Говорит, убила его вчера. Подождать согласилась, но просит быстро: у неё тесто поднимается.

Еремеев посмотрел на часы.

Михаил взял лист, прочёл фамилию: Волкова Марина Олеговна. И ниже, с другой строки, увидел утверждение, которого Лисов не произносил. Женщина писала, что Муромцев в момент удара сидел за столом в приёмной.

Глава 2. Тесто поднимется без неё

Марина Волкова не спросила, поверили ли ей. Спросила, можно ли снять сапоги.

В коридоре было жарко. Она приехала в пальто с меховым воротником, которое теперь держала на коленях, и в высоких сапогах, не подходивших ни к пальто, ни к её широкой спортивной юбке. На носке одного белела мука. Женщина заметила взгляд Михаила, провела по коже ладонью, только размазала и сердито поставила ноги под стул.

— Я забыла переобуться. Думала, потом домой вернусь. Смешно, да?

— Не смешно. Здесь сможете снять, если мешают. Сейчас вам объяснят дальнейший порядок.

— Мне уже объяснили, — сказала она. — Я не про порядок. Можно я сначала позвоню, что задерживаюсь?

Сотрудница помогла организовать звонок. Марина говорила с кем-то, кого называла Леной. Попросила не добавлять муку, хотя покажется, что жидко; тесто должно было постоять. Потом спросила, пришёл ли Дима, и, услышав ответ, велела его не трогать: сам знает, что делать.

— Я у следователя, — произнесла она после паузы. — Да. По Павлу. Нет, не говори никому пока, я сама.

Она закончила звонок, положила телефон экраном вниз и сжала пальцами переносицу.

Михаил спросил, есть ли у неё выбранный адвокат. Марина назвала фамилию Зубова, затем уточнила: Алёна, отчество не помнит. Женщина занималась её спором с арендодателем, номер остался. Туманов не обещал, что Зубова сможет приехать или взяться за защиту именно сейчас. Волкова достала телефон снова и начала искать контакт. В длинном списке все были записаны по именам и занятиям: «Таня рыба», «Серёжа замки», «Алена документы».

Пока решался вопрос с юридической помощью, Михаил вернулся к Лисову. Тот после консультации не захотел продолжать ответы. Суханова попросила сообщить, какие решения будут приняты в отношении её доверителя. Михаил объяснил ближайшие действия, принял ходатайство.

Еремеев привёл коллегу, которому передавал часть поручений. Михаил дал необходимые сведения, попросил разыскать работников, видевших Муромцева вечером, сохранить доступные записи прежде, чем их затрёт обычная работа оборудования, уточнить передвижения обоих пришедших. По Нине поручение оставалось отдельным. Её рассказ о ночи не следовало смешивать с отцовской явкой.

— А если сейчас ещё придут? — спросил Еремеев.

— Примем, — ответил Михаил.

Капитан невесело улыбнулся.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Телефон Туманова лежал на столе между двумя папками.

Зоя переслала фотографии, полученные от хозяйки комнаты. На первой был пустой угол с розеткой и подпись «Здесь окно справа». Он сначала принял белую полосу за ещё одну дверь, увеличил снимок, увидел радиатор. На второй тот же угол был снят с другой стороны, между стеной и подоконником оставалась узкая щель.

«Для стола хватает», — написала она.

Михаил набрал «Очень тесно», стёр. Спросил длину стены. Ответа сразу не получил и убрал телефон.

Алёна Зубова приехала ближе к полудню. У неё было сухое лицо, низкий голос и сапоги настолько похожие на Мариныны, что Волкова, увидев её, впервые за утро улыбнулась.

— Вот, — сказала она. — И у тебя такие. А я думала, дура одна.

— Здравствуйте, Марина Олеговна. Давайте сначала поговорим.

После их разговора Марина вернулась с распущенными волосами. Резинку держала на запястье. Носок сапога она успела вытереть, но не сняла их.

Михаил ещё раз разъяснил необходимое, уточнил решение давать показания. Зубова присутствовала с самого начала. Волкова согласилась рассказывать и попросила не читать ей вслух её собственное заявление.

— Я знаю, что написала.

— Я попрошу рассказать подробнее, — сказал Михаил.

— Не только повторить написанное.

— Это я могу.

Она сцепила руки на столе. На внутренней стороне правого запястья белела тонкая полоса старого ожога.

— Вчера вечером я к нему приехала. Он один был. Я знала, что один. У него все к семи расходятся, если нет срочного.

— Как вы это узнали?

— Я туда еду привозила. Полгода почти. Обеды. Потом перестала.

— Почему перестали?

Марина посмотрела на адвоката.

— Потому что не захотела больше его кормить.

Михаил подождал. Она раздражённо расправила юбку под столом.

— Мой сын у него работал. Дмитрий Волков. Двадцать два года. Они сцепились, Павел его толкнул, Дима руку повредил. Весной. Не вчера. Вы можете отдельно это выяснить, там уже выясняли, толку только никакого.

— Сами тот эпизод видели?

— Нет. Мне сын позвонил. Потом я приехала, но он уже... Уже сделали всё, что сделали.

Она показала на своё запястье, увидела, что жест слишком похож на объяснение травмы, и спрятала руку под стол.

Михаил спросил, где и когда произошло столкновение, кто занимался обращением, есть ли документы. Волкова отвечала нетерпеливо: история была длинная, её не хотелось сейчас распутывать заново. Назвала несколько фамилий, предложила отдать то, что хранилось дома. Туманов записал и вернулся к пятнице.

— Вы говорите, приехали вечером. На чём?

— На машине. Своей.

— Где оставили?

— Не у него. На улице. Там ближе к складам место.

— Дальше?

— Вошла. Он в приёмной сидел, что-то в компьютере смотрел. Я сказала, выйди, поговорим. Он не вышел. Сказал, ему со мной говорить не о чем.

Её речь стала быстрее, голос поднялся, словно Муромцев снова находился за столом и до него требовалось докричаться через шум чужой работы.

— Я ему сказала: ты посмотри, что с рукой у человека. Ты хотя бы раз спросил, как он? Он меня даже не дослушал. Про деньги опять: работал плохо, должен за инструмент, я ему всё простил. Будто простил! Моему сыну!

Она дёрнула край пальто, лежавшего на соседнем стуле. Оно сползло; Марина поймала его прежде, чем коснулось пола. Несколько секунд складывала воротник, продолжая говорить уже о том, как у Димы выпадала из пальцев ложка.

— Что произошло затем? — спросил Туманов, когда она

замолчала.

— Я взяла железку. Сбоку стояла. Такая, чтобы поднимать. Не знаю, как называется. Он сидел. Я его ударила.

— Где находились относительно него?

— Перед ним. Я же вошла.

— Между вами был стол?

Марина посмотрела на край стола перед собой.

— Сбоку я встала. Обошла. Там не так, как здесь.

— Опишите, как там.

Она назвала окно, компьютер, стул. Сказала, что Муромцев сидел лицом к двери, а окно находилось слева от него. Михаил помнил другое положение стола. Вчера его могли двигать; прежде чем принять несовпадение за ложь, нужно было выяснить, кто работал в приёмной и что действительно переместили. Он попросил продолжить без подсказки.

— Он упал? — спросил, когда Марина остановилась на ударе.

— Да. Я ударила ещё. Он уже не сидел.

— Где находился?

— На полу.

— Где именно относительно стола?

Она выдохнула и отвела глаза.

— Я его потом утщила. В бокс. Там свет горел. Не хотела оставлять здесь.

Лисов тоже не хотел оставлять. Только он говорил о дороге, а Марина — о приёмной.

Михаил попросил описать перенос. Волкова показала руками, как брала человека за одежду, затем сказала, что просто тянула. Не помнила, одной или двумя руками. На вопрос, за какие части одежды, ответила: за плечи. Крови испугалась, не смотрела.

— В боксе что сделали?

— Ничего. Положила. У него голова на красном лежала. Тряпка, может, шарф какой. А один ботинок не на нём.

— Вы подложили ткань?

Она замолчала так резко, что Михаил услышал, как в коридоре щёлкнул замок двери.

— Я могла, — сказала Марина. — Не помню.

— Что помните?

— Красное помню. Ботинок. На носке грязь была, на самом носке, который на ноге. И лампа ещё. У неё шнур поперёк, чуть не наступила.

Лампа в боксе была. Её положение после медиков и в момент первого осмотра могло не совпадать с тем, что видел более ранний посетитель. На шнур вчера никто специально не ссылался. Михаил спросил, где лежал ботинок. Волкова ответила, что возле колеса, но не смогла показать, с какой стороны.

— Вы его трогали?

— Нет.

— Почему вы помните, что он оказался не на ноге?

— Потому что нога была в носке. Я не знаю, как вам ещё

объяснить.

Зубова попросила короткий перерыв. Марина сердито сказала, что может продолжить. Адвокат негромко повторила просьбу, уже обращаясь к Туманову. Они получили возможность поговорить.

Михаил вышел к Еремееву. В коридоре пахло свежими булками: кто-то принёс целый пакет и оставил на стуле у стены. Запах мгновенно напомнил, что печенье в машине не было завтраком. Он взял одну с разрешения сотрудницы, спросил, кто принёс.

— Соседка, — ответила та. — Ей всё кажется, мы голодные.

— Мы голодные.

— Тогда две берите.

Он взял одну. Еремеев уже прочёл переданную часть поручений, спросил о заявлении Волковой. Михаил назвал необходимые для проверки обстоятельства, не пересказал весь разговор в коридоре. Капитан помрачнел, услышав про Диму.

— Я про весну узнаю. Сегодня не все будут на месте.

— Всё равно начните. И её вчерашний день отдельно.

— Домой она ездила ночью?

— Уточню.

Михаил закончил булку, вымыл руки в тесной комнате с умывальником. На стене висело зеркало, в котором он помещался только по плечи. Он провёл мокрыми пальцами по

волосам и увидел, насколько усталым выглядит чужой человек в его свитере. Не стал задерживаться.

Когда вернулся, Зубова сразу сказала, что её доверительница часть вопросов пока оставит без ответа. О дальнейшей консультации и необходимых материалах заявит отдельно. Марина сидела, закрыв глаза. На пальто теперь лежали оба сапога; под столом виднелись пятки в чёрных носках.

— Вы решили не продолжать? — уточнил Михаил.

— Про то, как я к нему приехала, я рассказала. Про Диму больше не надо сейчас.

— Хорошо. Тогда завершим в необходимом порядке. Если хотите что-то исправить в записанном, прочитайте и скажите.

Она читала долго. На словах о красной ткани попросила убрать «шарф». Михаил уточнил основание.

— Я не знаю, что это было. Я вам так и сказала. Может, одно, может, другое.

В записи сохранили её неопределённость. Затем она заменила «после восьми» на «примерно в восемь». Михаил спросил, на что опирается время.

— На часы. В машине смотрела.

— Какие?

— На приборной панели. У меня телефон разрядился.

— Полностью?

Марина открыла рот и снова закрыла.

— Не полностью. Он выключался. Мог потом включить-

ся. Вы хотите, чтобы я вам на каждую минуту ответила? Я даже не помню, сапоги на мне были или кроссовки.

Михаил вернулся к точной формулировке о времени. После обсуждения оставили то, что она могла уверенно подтвердить сама, и источник, на который сослалась. Адвокат просмотрела исправления, затем Марина поставила подписи.

В конце она спросила, сможет ли вечером позвонить сыну.

— Вам объяснят порядок в зависимости от принятых решений, — сказал Туманов. — Сейчас вы хотите что-нибудь ему сообщить?

— Что я приду. Нет. Этого не надо. Не знаю, приду ли.

Она наклонилась, натянула сапог, долго не могла попасть пяткой. Зубова подождала, пока женщина выпрямится.

— Что-нибудь ещё? — спросила адвокат.

Марина покачала головой, потом посмотрела на Михаила.

— Вы ему не говорите, что я из-за него. Я из-за себя. Это же я пришла.

Нина Лисова приехала не одна, но и не с тем адвокатом, которого собиралась найти. Человек, которого ей рекомендовали, не смог освободиться; по телефону объяснил, как поступить, и помог связаться с коллегой. Мужчина по фамилии Веткин вошёл рядом с ней, поздоровался, назвал свой

статус и попросил сначала уточнить, в каком порядке с ней собираются говорить.

Девушка обнаружила тело, работала у погибшего, ночью сообщила лишь часть обстоятельств; теперь ещё и её отец утверждал, что совершил убийство. Михаил объяснил известное положение, права и то, о чём намерен спрашивать. Веткин поговорил с Ниной отдельно, затем они вернулись.

Первым вопрос задала она.

— Он вас уже убедил?

— Ваш отец рассказал о своих действиях. Это проверяется.

— Он любит рассказывать, как будто сам всё делал. Даже когда я колесо меняла, у него вышло, что он меня учил. А он дома был.

Она сказала это слишком быстро и поняла сама. Прикрыла ладонью рот, отвернулась. Михаил подождал, пока девушка снова посмотрит на него.

— Я не хочу сейчас с ним встречаться, — произнесла она.

— Меня не надо к нему вести. Я иначе опять начну орать.

— Вместе разговаривать вас никто не просит. Расскажите отдельно.

Нина кивнула. У неё было усталое, чуть опухшее лицо. На виске сбилась прядь; она несколько раз отводила её за ухо, потом перестала. Куртка была другая, тёмно-синяя, слишком широкая в плечах. Вчерашнюю одежду уже получили для исследования.

— Чья куртка? — спросил Михаил, когда девушка сняла её.

— Отцовская. Моя у вас.

— Понял.

— Он утром сам её достал. Повесил на стул, чтобы я не искала. И ушёл.

Михаил попросил рассказать, что она делала накануне вечером, начиная с ухода из сервиса. Нина посмотрела на стол, потом на Веткина.

— Я сначала про папу. Я ему не говорила брать это на себя. Я вообще не говорила, что кого-то убила.

— Что именно вы ему сказали?

— Что я его оставила. Не Муромцева убила. Оставила.

Она сжала пальцы на молнии отцовской куртки. Зубцы разошлись в одном месте, она стала их сводить, заметила собственное движение и положила вещь на соседний стул.

— Когда я его нашла, я могла сразу позвонить. А я сначала себе думала. Как мне оттуда выйти. Что папе скажу. Что дома скажу.

— Мы разберём по порядку. Вы сейчас говорите о человеке в боксе, когда обнаружили его?

— Да.

— Хорошо. Давайте с вашего ухода с работы.

Нина набрала воздух, выдохнула и назвала время. На этот раз перед ними лежал ещё чистый лист, и никто не знал заранее, что она на нём исправит.

Глава 3. Девятнадцать минут

Нина начала с обогревателя.

Накануне утром Муромцев убрал её маленький обогреватель в кладовку. Говорил, выбивает проводку, хотя сам включал в комнате отдыха всё, до чего мог дотянуться. Она работала в приёмной, и к вечеру ноги всегда становились ледяными. Нина поставила под стол коробку, наступала на неё вместо пола, несколько раз просила разобраться с щелью у двери. Муромцев велел надеть другие ботинки.

Рассказывая, девушка смутилась.

— Это не причина, — сказала она. — Я понимаю, как звучит. Я просто с утра уже была злая.

Михаил попросил продолжить.

— Потом он увидел, что я распечатала своё. Резюме. Не специально смотрел. Я в принтере оставила. Начал: куда собралась, мы тебе здесь плохо платим, сколько ты у меня всему училась. В общем, не разговаривали до обеда.

— О новой работе уже договорились?

— Ещё нет. У меня собеседование в Москве. В среду. Было.

Она посмотрела на адвоката. Веткин сказал, что этот вопрос они потом обсудят отдельно; сейчас преждевременно считать поездку отменённой навсегда. Нина кивнула и вернулась к пятнице.

Муромцев после обеда ушёл по своим делам, вернулся к закрытию. Последний клиент задержался с оплатой, позволил жене, искал перевод. Нина несколько раз ходила из приёмной в бокс, ждала мастера Артёма Бочкарёва, чтобы тот объяснил клиенту, что именно сделали. Бочкарёв торопился, огрызнулся. Муромцев появился с пакетом еды, спросил, чего не расходятся. Услышав о клиенте, сам прошёл к машине.

Нина запирала стол около семи. Не помнила точную минуту; оставались сообщения, которые отправляла перед выходом. В ящике забыла свой ноутбук. Он принадлежал ей, в сервисе стоял старый рабочий компьютер. На личном она готовила резюме и рисунки для пробы в компании, делавшей мебель на заказ. Специального образования у неё не было, зато два года вечерних занятий и работы, о которых отец говорил: хорошее хобби.

— Дома вы про собеседование сказали? — спросил Михаил.

— Нет.

— Почему?

— Потому что папа начнёт решать, как мне лучше. К Муромцеву он и устроил. Не сам, знакомого попросил. Потом я каждый раз, когда жаловалась, должна была сначала объяснить, что не обвиняю его знакомого.

Она произнесла это без злости. От этого Михаилу стало легче представить не один разговор, а несколько лет таких объяснений.

— Отца давно знаете вы, а мне расскажите, — сказал он.

— Вчера он знал, где вы?

— Я написала, что задержусь. Не ему одному. Подруге тоже. Мне надо было за ноутбуком. Я дура, могла утром забрать, но хотела вечером дописать, чтобы Полина посмотрела. Она мне помогает с работами.

Нина успела заехать в магазин и забрать в пункте выдачи заказ для отца: две рубашки. Он выбирал их по размерной сетке, измерял свои старые, потом всё равно заказал две разные. Она предлагала померить самому в магазине; Валентин Иванович сказал, ему с телефона удобнее. Посылку положила на заднее сиденье.

У сервиса остановилась уже после восьми. В телефоне осталось сообщение Полине: «Сейчас заберу и домой». Михаил попросил не угадывать по нему минуту входа. Её ещё предстояло соотнести с другими данными.

— Большие ворота были прикрыты, но не заперты, — сказала Нина. — Я одну створку толкнула. Обычно пешеходная калитка работает, а там ручку опять закусило. Мы весь день через ворота ходили.

Она описала двор: место для двух автомобилей вдоль забора, мусорный бак у глухой стены, широкий въезд в бокс. Со стороны соседних складов находился отдельный узкий проход с металлической дверью. Его использовали, когда привозили тяжёлое с той стороны. Дверь должна была закрываться на внутренний засов, но после последней поставки

оставалась открытой. Нина днём велела Бочкарёву закрыть, тот ответил, что ещё ждёт машину. Что стало потом, она не знала.

Михаил попросил показать расположение на чистом листе. Девушка нарисовала неровный прямоугольник, обозначила входы, поставила крест там, где оставила свой автомобиль. Никакого точного масштаба от неё не требовалось; существенное можно было сверить на месте.

— Вы кого-нибудь видели в воротах или во дворе?

— Нет.

— Слышали?

— Радио. Из бокса. У него всегда там радио. Я сначала ещё подумала, что он машину не закончил.

— В приёмной свет не горел, — сказала Нина. — Я лампы включила. Ноутбук достала, зарядку. У меня карандаш упал, я даже не полезла за ним. Думала, сейчас заберу всё и уйду. Потом увидела дверь в бокс. Приоткрытую.

Она попросила воды. Веткин подвинул стакан, предложил перерыв. Нина покачала головой и сделала два глотка.

— Я его позвала. Хотела сказать, что за своим приходила. И ключ от кладовки оставить. Он днём просил. Не от сервиса, — поспешно добавила она, увидев, что Михаил записывает. — Я ещё не увольнялась.

— Понял. Ключ от кладовки. Что было дальше?

В пятницу она оставила ноутбук на краю стола, рядом с зарядкой. Достала ключ от кладовки, повесила на доску справа, где пустовал крючок.

— Павел Андреевич!

Из бокса заговорило радио. Нина подождала ответа, ещё немного — чтобы не входить к человеку, с которым весь день старалась не разговаривать. Потом толкнула дверь плечом.

Сначала увидела ноги у верстака. Подумала, полез что-то доставать, хотя зачем было ложиться прямо на пол. Сделала шаг и увидела руку, отведённую в сторону, голову за ней.

— Вам плохо?

Он лежал неудобно. Нина присела, тронула за плечо, позвала громче. Взялась обеими руками, потрясла. Голова качнулась; в волосах было тёмное, слипшееся. Она убрала руку и посмотрела на пальцы.

Нельзя было его трясти. Она это знала. Откуда-то знала ещё, что надо подложить под голову мягкое. От этих двух знаний не получалось ничего: Павел лежал, а она сидела рядом на корточках и боялась снова коснуться.

Нина опустилась на колени. В лицо дуло от вентилятора. На Муромцеве была свободная куртка-рубашка; грудь под ней будто поднялась. Она приблизила лицо, но теперь всё время ловила собственное дыхание. Перестала дышать са-

ма — стало стучать в ушах. Снова вдохнула и уже не могла вспомнить, двигалась ли ткань на нём.

— Павел Андреевич, вы меня слышите?

Она стащила с шеи шарф, свернула в несколько раз. Красная шерсть цеплялась за пуговицу куртки; Нина рванула, освободила её. Одной рукой попробовала приподнять затылок, другой подсунуть шарф. Голова была тяжёлой, ладонь соскальзывала. Она протолкнула ткань глубже и вытащила пальцы. Край шарфа быстро темнел.

Теперь надо было позвонить. Телефон лежал в кармане. Нина потянулась к нему и замерла: сейчас спросят, что случилось. Придётся сказать, что она нашла Павла. Ещё днём все слышали, как они ругались. В принтере оставалось её резюме. Скажут, собиралась уйти, пришла вечером, потом забрала компьютер. А зачем забрала? Что там было?

Она стала подниматься. Колено задело лежавший рядом ботинок; тот скользнул, стукнулся где-то за колесом машины. Нина ухватила за край верстака, выпрямилась. Павел не пошевелился. Подойти к нему снова не получилось.

В приёмной горела её настольная лампа. Ноутбук лежал там, где она его оставила. Нина подхватила его, прижала зарядку сверху. Щёлкнула кнопкой лампы. Зачем выключила, не знала; во дворе поняла, что вышла из бокса как с работы, забрав своё и погасив свет за собой.

На улице было холодно. Она миновала ворота, прислонилась к ограде. Зажала ноутбук с зарядкой под мышкой, до-

стала телефон. Нашла Полину.

— Я не могу приехать, — сказала она.

— Почему? Ты ещё там?

— Да. Паша лежит.

— Пьяный? Ну пусть лежит, ты что, дежурная? Приезжай.

— Нет. Там кровь. У него голова. Я не знаю, он дышит или нет.

Полина что-то спросила, но Нина не разобрала. Перед глазами стояли свои пальцы. Она стала вытирать их о штанину, зажала телефон плечом; ноутбук под мышкой сползал.

— Ты помощь вызвала? Нин, ты слышишь? Позвони сейчас.

— Да. Я сейчас.

Полина спросила адрес. Нина назвала, повторила номер строения, объяснила, через какие ворота. Подруга сказала, что едет. Нина слушала ещё немного, хотя уже надо было закончить разговор. Потом на экране снова появились цифры и знакомые значки. Можно было нажать на нужные.

Мимо проехала машина. Следом другая. Уехать можно было вместе с ними: свой автомобиль стоял рядом, а всё, что она хотела забрать из сервиса, было при ней. Уехать до чужих голосов, до вопроса, почему пришла. Полине сказать, что вызвала, потом позвонить из другого места. Как-нибудь объяснить, что не она нашла.

Нина подошла к машине. Открыла заднюю дверь, чтобы положить ноутбук. На сиденье лежали отцовские рубашки:

две плоские упаковки, тёмная и светлая. Светлую он выбирал дольше, прислал ей картинку, потом ещё одну — почти такую же. Попросил проверить, не женская ли модель: на фотографии одна талия.

Она подвинула упаковки, освободила место для ноутбука. Положила сверху зарядку. Отец вечером станет примерять обе, попросит посмотреть, как со спины. Нина будет стоять у шкафа и говорить: нормально, пап. В это время Павел останется за стеной бокса с её шарфом под головой.

Нина выпрямилась. Заднюю дверь оставила открытой, потому что иначе надо было закрыть, сесть за руль и сделать всё остальное. Или остаться.

Она набрала номер помощи. Назвала сервис, потом адрес, себя. На вопрос, что произошло, начала отвечать про ноутбук.

— Я его нашла, — сказала наконец. — Мужчину. На полу. Он не отвечает. Кровь на голове. Я вышла. Я сейчас снаружи.

Её вернули к коротким вопросам. Нина отвечала, держа телефон так крепко, что заболела ладонь. Потом закрыла дверцу машины и пошла назад. Когда миновала ворота, пришлось ещё раз объяснить, где она находится. В приёмной протянула руку к выключателю, не попала; включила свет со второй попытки.

У двери бокса остановилась. По телефону велели вернуться к пострадавшему, если это безопасно, объясняли, что делать. Нина пошла к нему, присела. Выполнить всё сказан-

ное не смогла. В какой-то момент пришлось попросить повторить с начала.

Красный шарф оставался под головой. Радио продолжало говорить, словно здесь кто-то работал. Когда приехали люди и один из них выключил его, Нина наконец заплакала.

В субботнем кабинете она рассказывала это медленно. На подоконнике стоял горшок с засохшей землёй; Нина часто смотрела туда, останавливалась, возвращалась к уже сказанному. Михаил спрашивал о положении руки Муромцева, о том, как она подкладывала шарф, чего касалась. Нина показала на собственном плече, куда была отведена его рука. На рисунке обозначила колесо и примерное место ботинка до того, как задела его коленом. За точность последнего не ругалась: стук запомнила лучше, чем сам ботинок.

— То есть он уже лежал отдельно от ноги? — спросил Михаил.

— Да. Я его не снимала. Когда встала, толкнула. Не специально.

Она перечислила свои действия после возвращения, отдельно — что помнила о прибывших. Несколько раз просила записать, что не уверена. Видела ли дыхание, сказать так и не смогла.

Веткин попросил повторить, где был ноутбук, когда она

звонила Полине и в службу помощи. Нина ответила. Телефон всё время оставался при ней. На вопрос, почему не позвонила сразу, повторила про ссору и страх, что её заберут. Адвоката при этом не искала глазами.

— Вы хотели уйти совсем? — спросил Туманов.

— Да. Я могла сесть и уехать.

Михаил подождал, затем уточнил номер, содержание вызова, порядок возвращения. Нина согласилась показать переписку с Полиной и передать относящиеся сведения с оформлением. Запись вызова ещё предстояло сопоставить с её рассказом.

— Время до звонка вы сами считали?

— Девятнадцать минут.

— От какого момента?

— Я Полине написала, что подъехала. Потом вызов. Ночью посмотрела. Это не от самой находки, чуть раньше. Я знаю.

Между сообщением у ворот и вызовом помещались вход, поиски, попытка помочь, разговор с подругой. Михаил записал оба события с её слов отдельно. Нина следила за ручкой.

— Но меньше от этого не станет, — сказала она.

— Пока запишем, между какими событиями вы считали. Вы сами сказали, сообщение отправили раньше, чем его нашли.

Она потёрла лицо ладонями.

— А папа вообще не хочет про это слышать. Он говорит, я

не могла это сделать. Не про убийство даже. Просто не могла оставить. А я оставила. Вышла, закрыла за собой дверь.

— Вы закрыли дверь бокса?

— Не на замок. Она сама за мной... Я её толкнула. Прикрыла. Потом, когда вернулась, открыта была больше. Я не знаю, я так или кто-то. Я не смотрела на неё, когда выходила.

Михаил вернул девушку к проходу через приёмную. Уточнил, какой именно створки она касалась, откуда шла во двор и в какую дверь вернулась. На рисунке появились стрелки. Теперь рассказ давал место, в котором другой человек мог пройти не перед её глазами, но пока никто не сообщил, что действительно прошёл.

— Радио всё время играло? — спросил он.

— По-моему, да.

— Что было по радио?

— Не помню. Когда они приехали, кто-то выключил. Мне сразу так тихо стало, я тогда только плакать начала.

Нина отвернулась к пустому горшку. Михаил не торопил. На его телефоне зажёгся экран, он перевернул аппарат и продолжил только после того, как девушка снова повернулась к столу.

В пятницу домой Нина вернулась после одиннадцати. Теперь она рассказывала об этом, стараясь вспомнить отцов-

ские вопросы в том порядке, в каком он их задавал. Её привезла Полина; машина осталась у сервиса до разрешения забрать. Перед отъездом Нина достала из неё ноутбук с зарядкой, рубашки оставила на сиденье. Валентин Иванович ждал на кухне, накрыв стол двумя тарелками. Спрашивал сначала, почему так поздно, потом увидел на рукаве пятна и забыл о еде.

Нина пересказала разговор. Не каждое слово: помнила только те куски, после которых отец перестал слушать.

— Я ему сказала: я его там оставила. Он спросил, кто тебя трогал. Я говорю, никто меня не трогал. Он опять: чем ты ударилась? Я ему руку показала, что целая. Он уже решил, что со мной что-то сделали.

— Об обнаружении вы рассказали?

— Да. И про шарф. И про ботинок, я не знаю зачем. Я всё рассказывала, мне надо было выговорить. Он сказал, хватит, я понял. А он ничего не понял.

— О дневной ссоре тоже?

— Да. Раньше. Он ещё днём мне написал, чтобы я не портила отношения перед выходными. Муромцев ему сам позвонил про работу. Я потом увидела, что они созванивались. Папа мне сказал, Павел всегда был резкий, но справедливый.

Нина произнесла последнее слово очень ровно, не передразнивая. Потом добавила:

— У папы так. Если человека рекомендовал хороший знакомый, он хороший. Пока не окажется, что плохой. Но сна-

чала надо, чтобы кто-нибудь другой это доказал.

Она дала сведения о дневном звонке и знакомом, через которого устроилась в сервис. Михаил спросил, что отец слышал о её возвращении вечером.

— Я ему не писала, что в сервис еду. Просто задерживаюсь. Мне не хотелось новый разговор. Я думала, он начнёт: зачем ночью свои рисунки, завтра воскресенье... То есть суббота. Для него все выходные одинаковые, если я не на работе.

— Вы о дневном разговоре с Муромцевым могли отцу что-то сказать такое, что он понял как угрозу?

— Я сказала, когда уйду, тот ещё пожалеет. В смысле, останется без человека, который ему всё разгребает. Но папа это и так должен понимать. Я не говорила, что пойду и убью.

Веткин попросил уточнить, когда и где прозвучала фраза. Нина ответила: дома, ночью, когда объясняла ссору. До возвращения к сервису отец её не слышал от неё. По крайней мере, сама она ему не передавала. Муромцев мог сказать днём другое, но Нина при их разговоре не присутствовала.

Под конец ночного разговора Валентин Иванович сказал, что завтра разберётся. Девушка решила, речь о машине и её работе. Пошла в ванную, долго не могла снять часы: ремешок в одном месте присох к коже. Отца попросила не входить и ничего не мыть из её вещей. Объяснила, что приедут за одеждой. Он кивнул, но утром всё равно принёс ей мокрый шарф.

— Красный? — спросил Михаил.

Нина подняла глаза.

— Нет. Другой. Синий. Он думал, я замёрзну. Красный там остался. Вы же знаете.

— Да, знаю, — сказал Михаил. — Расскажите про синий.

Синий шарф отец нашёл в корзине, сполоснул, надеялся высушить к её выходу. Она сказала, что лучше без него, пока сырой. Тогда Валентин Иванович достал свою старую куртку и повесил на стул. В карман положил ключ от квартиры, хотя свой у неё был.

— Вот тогда надо было понять, — сказала Нина.

— Что именно?

— Что он решил вместо меня. Он всегда мне запасной ключ даёт, когда сам уезжает. Даже если я на один день в Москве. Вдруг я свой потеряю, вдруг у меня сумку украдут... Он и у Полины пытался мой запасной оставить. Она сказала, не будет брать без меня.

Михаил спросил, звонил ли отец кому-нибудь ночью. Девушка не слышала. Где сам находился вечером — знает только по его сообщениям и по тому, что увидела после приезда. Сосед заходил за лестницей, но в какое время, она не могла подтвердить.

— Я могу ему сейчас позвонить? — спросила Нина, когда речь зашла о соседе.

— Пока не нужно. Мы свяжемся сами. Вы не должны рассказывать ему, что именно требуется подтвердить.

Она убрала телефон, который уже взяла со стола.

Затем Веткин попросил перерыв. После него Нина прочла запись, поправила время покупки рубашек и рассказ о двери. Не была уверена, что на первом входе створка между приёмной и боксом стояла наполовину: могла быть просто не прикрыта. Ближайшие важные места прочла ещё раз.

В самом конце Туманов спросил, хочет ли она пока добавить что-нибудь, о чём её не спросили.

— Хочу, чтобы папа перестал вам помогать, — сказала Нина. — Но вы это, наверное, не можете.

— Не за него. Можем проверить то, что он рассказал.

Она кивнула. Сняла отцовскую куртку со стула, сунула руки в рукава. Запасной ключ звякнул внутри кармана.

Лисову в этот день не устраивали встречу с дочерью. Михаил снова разговаривал с ним при Сухановой, выясняя то, что мужчина теперь согласился уточнить. Нинин рассказ ему целиком не пересказывал.

— Красная ткань принадлежала вашей дочери, — сказал Туманов после вопроса, откуда Лисов взял её в боксе. — Она сообщила о своём шарфе ещё ночью. Вы раньше его видели?

Валентин Иванович посмотрел на адвоката.

— Шарфов у неё много.

— Этот красный видели?

— Мог видеть.

— Вчера ночью Нина рассказывала, что подложила его Муромцеву?

Он помолчал, затем сказал:

— Она могла перепутать.

Михаил попросил Лисова описать, где именно на полке лежала взятая им ткань, какие предметы находились рядом. Мужчина назвал канистры, потом инструменты. Уверенно показать одну полку не мог.

— Вы подтверждаете, что взяли эту ткань с полки сами?

— Подтверждаю.

— И что дочь не рассказывала вам о ней ночью?

Лисов нахмурился.

— Я этого не говорил.

— Тогда что она сказала?

Валентин Иванович отвернулся к окну. За стеклом темнело, фонарь на улице уже зажёгся; от его света в помещении оставался небольшой белый прямоугольник. Михаил не смотрел на него и ждал ответа.

— Что помогала, — произнёс мужчина. — Она всегда помогает. В детстве котёнка с улицы привезла, у него лапа...

— Я спрашиваю о вчерашнем рассказе, — сказал Туманов.

Лисов повернулся.

— Она вам сказала, что я не был? А откуда знает, если сама ушла? Вы это её спросили? Или вам удобнее, чтобы де-

вочка отвечала?

— Я проверяю ваше сообщение. Не предлагайте мне вместо него обвинение другого человека.

Мужчина побледнел. Суханова попросила паузу. Когда они вернулись к разговору, Лисов сказал, что больше отвечать сегодня не будет.

Михаил завершил действие. Человек, который утром принёс собственную вину, теперь сердился за то, что её у него не брали целиком. Оставались пятничный вечер, дневной звонок Муромцева и независимые сведения, которых ещё не успели получить.

Еремеев вошёл, когда Лисова уже вывели.

— По Волковой кухня работает. Сын там. Сказал, мать утром его не дождалась, оставила записку: ушла по делу. Теперь хочет приехать.

— Пусть сначала свяжется с её адвокатом по вопросу помощи ей. Самого опросить надо отдельно, там весна и работа. Ты выяснил про Горлова?

Еремеев покачал головой.

— Про какого?

Михаил посмотрел в свои записи и увидел, что фамилия стояла в переданной ночью справке о контактах сервиса, возле пометки «детали б/у». Он ещё не спрашивал капитана именно о нём. За длинный день невыполненное намерение уже успело показаться разговором.

— Давид Горлов. У Муромцева номер есть, сотрудники

называют. Уточни, что за связь. И кто вчера мог входить со стороны склада.

Капитан записал фамилию.

Когда он вышел, Михаил открыл материалы звонка Нины и отдельно записал два времени. Приезд, отмеченный сообщением подруге. Вызов. Между ними девушка успела сделать несколько вещей, в которых ей было трудно признаться; один человек мог успеть сделать что-то ещё. Пока всё это существовало в разных рассказах, и ни одному нельзя было отдать чужие девятнадцать минут только потому, что он первым явился с повинной.

Глава 4. Суп на двоих

Людмила Муромцева вынула из сумки четыре баночки со сметаной и поставила на стол следователя.

Посмотрела на них, на Михаила и рассмеялась. Коротко, почти без звука.

— Это не вам. Я ключи искала. У меня всё в одной сумке, простите.

Она начала убирать баночки обратно. Одна выскользнула, Михаил поймал её у края стола и передал. Пластик был холодным. Женщина поблагодарила так внимательно, словно он сделал для неё что-то большое.

— Мне сказали, можно к вам вечером. Я раньше не смогла. За мамой заезжала, она теперь у сестры будет. Мы ей не сразу сказали. Она по телефону спрашивала, почему Паша не берёт.

Людмила достала связку ключей с зелёной пластмассовой биркой. Положила рядом с паспортом, разгладила на столе угол листа, который привезла с собой.

— Тут написала, где какой. От дачи два похожие. Я уже ночью вам давала от дома, эти в другой куртке были. И телефоны, которые обещала. Его сестры, знакомого по складу. Мой номер у вас есть.

Михаил объяснил порядок передачи, затем попросил рассказать о пятничном дне. Они уже говорили ночью, но то-

гда слова Людмилы состояли главным образом из вопросов, на которые он не мог ответить. Сейчас она хотела довести собственный рассказ до того места, где муж ещё обещал вернуться к ужину.

Утром Павел встал раньше неё. Гремел в кухне, искал крышку от большого контейнера. В холодильнике лежали остатки рыбы, он собирался увезти в сервис. Людмила спросила, почему не возьмёт обычную стеклянную посуду. Ответил, что стекло у них разобьют; купят ему когда-нибудь нормальные контейнеры, тогда будет жить как человек. Потом всё равно нашёл крышку — не ту, но подходила.

— Он сам себе еду складывал? — спросил Михаил.

— Конечно. Я ему не мать. У меня работа раньше была, чем у него. Потом дома стала, всё равно он свои обеды сам. Ему ещё нравилось. Мог всем сказать: жена голодом морит. Стоит у холодильника и говорит это с куском во рту.

Она посмотрела на стол, где только что были баночки со сметаной. Улыбка пропала медленно.

Муромцев уехал около девяти. Днём они переписывались о покупке шкафа для матери Людмилы. Старый плохо закрывался; Павел считал, что надо просто переставить петли. Людмила послала ему фотографию перекошенной створки. Он написал, что теперь придётся сначала переставить стену. Она ответила, чтобы не умничал и дал выбрать новый.

Михаил попросил сохранить переписку, затем выслушал, с кем женщина встречалась сама. Большую часть дня она

провела с матерью, отвозила её на обычные дела, после заехала к сестре. Домой вернулась перед семью, поставила разогреваться суп. Муж написал, что немного задержится. Потом — что постарается к восьми.

— В котором часу второе сообщение? — спросил Михаил.

Людмила взяла телефон. Открыла нужный разговор, передвинула аппарат к нему и провела пальцем по экрану, чтобы тот не погас.

— Девятнадцать ноль три. Вот.

Михаил прочёл: «С Лутовым переговорю и поеду. К восьми постараюсь».

— С кем?

— Андрей Лутов. Раньше работал у него. Очень давно. Приходил потом. Он с Пашей всё время что-то пытался начать, какую-то мастерскую, я не знаю. То вместе, то отдельно. Паша говорил, не берётся с ним, но помочь может.

— Что вы о нём знаете?

Людмила пожала плечами, потом сказала:

— Он сидел. Человека сбил, по пьяному делу. До этого был нормальный парень. Да и потом не знаю, что ненормального. Не буйный. Они у нас дома один раз были, ещё до суда. Его мать приходила. Тогда всё и началось: я этих людей должна помнить, а Паша не объясняет, что им обещал.

— Что вы имеете в виду под обещанием?

— Помочь. А как именно — мне не докладывал. Мог де-

нег дать, мог работу. Мог сказать, будет нормально, а потом приходят ко мне: Павел говорил. Я отвечала, Павла и спрашивайте.

Она говорила всё твёрже, словно рядом со столом появилось место, где можно было снова сердиться на мужа обычным образом.

Михаил попросил уточнить фамилию, контакты, когда Лутов приходил в последний раз. Людмила назвала неделю, но не день. Видела его у сервиса из машины: приехала забрать мужа, Андрей стоял возле ворот в серой куртке. Павел сел к ней, попросил подождать ещё минуту, вышел и что-то сказал Лутову. Тот показал на телефон. Муромцев кивнул и вернулся.

— Они ругались?

— Я не слышала. По лицам — нет. Андрей вообще всегда так смотрит, будто ему солнце в глаза. Даже когда темно.

Она попыталась показать, сморщив лоб, и сразу убрала выражение с лица.

— Не надо это писать. Я не должна за человека... Мало ли.

Михаил пояснил, что записывает её наблюдение и то, чего она не слышала.

— А вам он сам звонил или писал в последнее время?

— Сегодня написал, спросил, правда ли про Пашу. Я ответила, что правда.

— О вчерашней встрече муж что-нибудь ещё сообщил?

— Только это. Потом я позвонила, он не взял. Подумала, занят. Второй раз не стала. Вы ведь это всё увидите? Что я могла ещё раз.

— Мы установим звонки. Вы знали, что с ним произошло?

— Нет.

— Тогда рассказывайте, что знали и делали.

Людмила кивнула, но продолжала смотреть на телефон. Палец её стоял возле последнего сообщения, которое отправила сама: «Не забудь хлеб». Муж его уже не прочёл.

Михаил спросил о Нине. Людмила оживилась, уверенно сказала, что девушка хорошая, хотя временами упрямая. Паше нужен был человек, который не боится возражать: все соглашались, потом получалось плохо, он сердился. Нина могла послать его «самому сесть с этой таблицей». Муромцев жаловался жене и смеялся.

— Про уход говорил?

— Говорил, собирается в Москву за сто тысяч. Я спросила, он сам бы за сто тысяч не собрался? Он сказал, у него тут своё.

— Это вчера?

— Днём. Голосовым. Я ещё не слушала сначала, за рулём была. Потом включила при маме, она ничего не расслышала.

Сообщение сохранилось. Людмила сама открыла его, согласилась передать относящиеся сведения с оформлением. Голос Муромцева оказался моложе, чем Михаил ожидал по его лицу и фотографиям. Мужчина сердился, но не был похож на человека, которому уже ничего не оставалось: смеялся посреди фразы, изображая Нинино «я не обязана».

«Кинула мне бумагу из принтера, будет она теперь у них дизайнер, — говорил он. — Я её папаше позвонил, говорю, ты с ней поговори. Он: я разберусь. Я ему сказал, не разбирайся, пусть уйдёт, если хочет. Только потом обратно не надо. Я тут не камера хранения для настроений».

Людмила выключила сообщение. В кабинете осталось тихо.

— Вы только Нине не включайте просто так, — сказала она. — Он её передразнивал, он всегда так. Ей сейчас зачем это.

Михаил объяснил, что существенные сведения будут использовать для проверки и не сможет обещать сохранить запись исключительно между ними. Людмила опустила голову.

— Да. Я понимаю. Просто он мог и другое про неё сказать. Что она молодец. Это тоже было.

Он спросил о дневном разговоре мужа с Лисовым. Сама Людмила его не слышала; знала только по этому голосовому. Валентина видела дважды, оба раза тот помогал дочери. Один раз ремонтировал ей старую полку в приёмной, хотя Муромцев обещал дать своего человека.

— Паша потом на него сердился, — вспомнила она. — Сам просил, чтобы тот пришёл, и сердился: теперь я ему обязан. Так и сказал. Я говорю, что обязан? Спасибо сказал — и всё. Нет, ему всё хотелось, чтобы без лишнего.

Людмила потёрла сломанный ноготь и поморщилась.

Михаил спросил, когда повредила палец. Она показала без долгих объяснений: вчера днём, открывая заевшую дверь у матери. Сестра видела, ещё посылала её за пилочкой. Михаил записал. Вопрос женщину не обидел. Она посмотрела на свой ноготь так, словно впервые поняла, как в этом кабинете может выглядеть любая маленькая домашняя беда.

— Вы всех спрашивать будете? — произнесла она.

— Тех, у кого могут быть сведения о случившемся.

— У Паши было полгорода. Ну не полгорода. Я понимаю. Много людей. Каждый хоть раз на него сердился. У него записная книжка вся из тех, кто потом ругался.

Михаил спросил о Марине Волковой и Диме.

Людмила ответила не сразу. Развернула телефон экраном к себе, закрыла разговор с мужем.

— Да, было. Там неприятное. Мальчик пострадал. Паша говорил, сам полез. Я там не была. Но Марины я не осуждаю, она мать. После этого кормить их перестала, могла бы и раньше перестать. Платили всегда не вовремя.

— Она угрожала вашему мужу?

— Звонила. Кричала. Про угрозы не скажу. Один раз я сама взяла, она мне: вы хоть понимаете, что он сделал? Я

сказала, я не понимаю, я там не была. Она бросила трубку. Потом извиняться звонила. Не за Пашу, за то, что на меня. Мы даже поговорили нормально.

— Когда это было в последний раз?

— Летом. Точнее посмотрю.

— После звонила?

— Мне — нет. Ему не знаю. У него телефон всегда звонил. Как чайник: сначала бесит, потом уже не слышишь.

Она потянулась к баночкам в сумке, будто нужно было переставить их удобнее, но остановилась.

— Она тоже к вам придёт? — спросила тихо.

Михаил сказал, что не станет сейчас обсуждать с ней чужие показания. Людмила выпрямилась, снова поднесла палец к губам и отняла. Он заметил на большом пальце белую нитку. Вероятно, от платка. Ничего не спросил.

Перед ним появился человек, у которого были обеды, насмешки, чужие просьбы, маленькие добрые дела и привычка оставлять жене разгребать непонятные обещания. Михаил записал несколько имён, к которым требовалось вернуться, и дал Людмиле передохнуть.

В конце беседы Людмила достала ещё один лист. Копию заявления, которое муж подавал неделю назад по поводу пропавшего инструмента. Она нашла дома на подоконнике.

Думала, о ней уже знают, но всё же привезла.

Михаил прочёл. Муромцев ссылался на то, что пропали несколько вещей; подозрения касались работника Артёма Бочкарёва. Здесь же было имя знакомого по сбыту бывших в употреблении деталей — Давида Горлова, которого Павел просил опросить о получении одного инструмента.

— Бочкарёв работал и вчера, — сказал Туманов, скорее уточняя, чем спрашивая.

— Да. Они потом помирились. Паша сказал, заявление заберёт. Я ему говорила, так не делают: сегодня вор, завтра лучший мастер. Он ответил, мне не учить.

— Почему заподозрил именно его?

— Не знаю. На него кто-то указал. Мог и Горлов, мог другой. Я в мужнины ящики не залезала.

Михаил попросил сообщить, если найдутся относящиеся бумаги или переписка, и объяснил, как передать их без потери первоначального состояния. Людмила согласилась. Потом вдруг спросила:

— А суп можно вылить?

Он поднял глаза.

— Дома. Который ему вчера оставила. Его тоже нельзя трогать?

— Если речь об обычной вашей еде, которую он вчера дома не ел, сейчас оснований её сохранять как предмет по этому поводу я не вижу. Если выяснится относящееся обстоятельство, обсудим отдельно.

Женщина слушала с отчаянной серьёзностью. Михаил понял, что длинный ответ ей ничего не дал, и добавил проще: — Не нужно держать кастрюлю ради нас.

Людмила закрыла сумку.

— Я всё равно не могу пока. Просто спросила.

Она ушла с баночками. Ключи и копия заявления остались с оформленными документами. На столе ещё некоторое время держался круглый холодный след от пластиковой банки, которую Михаил успел поймать.

Он попросил получить необходимые сведения по старому делу Лутова и сообщению о пропавшем инструменте. Связаться с Андреем, не передавая ему, что именно рассказала вдова. Бочкарёва вновь пригласить отдельно по работе, уходу вечером, складской двери и конфликту с Муромцевым. Горлов теперь входил сразу в несколько пересекавшихся историй.

Телефон зазвонил, когда Михаил вышел из кабинета. Мужчина представился Андреем Лутовым и сказал, что ему передали просьбу связаться. Туманов предложил время для встречи, уточнил, сможет ли тот приехать.

— Завтра могу, — ответил Андрей. — Сегодня у меня мать. Она болеет.

— Где вы сейчас?

— Дома. А что случилось, я уже знаю. Мне Люда написала. То есть не сейчас написала, раньше.

Михаил записал номер. Лутов спросил, нужны ли доку-

менты по автомобилю. Получив просьбу взять удостоверение личности и имеющиеся относящиеся сведения, замолчал.

— Я у него в пятницу не был, — сказал он после паузы.
— Если вам Люда про встречу. Мы не встретились.

— Подробно поговорим при встрече.

— Я понял. Во сколько ещё раз?

Михаил повторил. Лутов поблагодарил и закончил разговор.

От сообщения «переговорю и поеду» до «мы не встретились» могла лежать обычная отменённая встреча. Михаил за последние сутки слышал слишком много уверенных рассказов, чтобы заменить один пропуск собственным.

Дома Зоя сидела на полу среди книг. Пустой угол на присланной фотографии так и остался фотографией. Хозяйка комнаты хотела получить сразу за три месяца вперёд и не обещала оставить ту же цену после Нового года. Зоя сказала, что подумает, и ушла.

— Жалко, — произнёс Михаил, снимая куртку.

— Жалко. Там окно хорошее. Но я не могу вложить всё, а потом снова искать. Она говорит, у неё каждый день новые желающие. Пусть у них и берёт.

Зоя сидела в старых шерстяных носках, поджав под себя

ногу. На колене лежала тонкая книжка. Михаил узнал сборник задач, с которым они мучились, когда Арсений готовился к экзамену. Половина страниц была исписана сыном, на одной оставался рисунок чудовища с лицом школьного завуча. Зоя держала книгу раскрытой на этой странице.

— Отправим? — спросил он.

— Пусть сам решит. Я ему сфотографировала. Сказал, это исторический документ.

Михаил присел рядом, взял с пола сложенный скотч.

— Какой коробке крышку делать?

— Этой. Только там тяжело уже. Давай часть переложим.

Он поднял край, почувствовал вес и согласился. Они молча вынули два больших тома, пересыпали книгами другую коробку. Зоя поправляла уголки, чтобы не согнуть обложки. Михаил наклеил первую полосу неровно; она не стала отнимать у него скотч, подержала картон в нужном месте.

На кухне стояла кастрюля супа. Он увидел её через открытую дверь и замер на секунду.

— Ты будешь? — спросила Зоя.

— Да.

— Тогда я греть поставлю. У нас наконец можно есть за столом, я рулон унесла.

Михаил сказал, что после следующей полосы придёт. Зоя поднялась, опираясь на край дивана, разогнула затёкшую ногу. Пошла не сразу: поглядела на коробки.

— Комнату я всё равно буду искать, — сказала она.

Он понял, что она отвечает на его прежнее предложение остаться с машинкой дома, хотя сегодня он его не повторял.

— Ищи. Ты хочешь, чтобы я тоже смотрел объявления?

— Пока нет. Если попадётся что-то рядом — покажи. Только не звони сам договариваться.

— Хорошо.

Она ушла в кухню. Михаил заклеил коробку, написал сверху «Арсению, книги» и убрал маркер подальше от светлой обивки. Потом отнёс скотч в прихожую, туда, где Зоя его искала утром, и вернулся за супом.

За столом жена рассказала о клиентке, которая трижды меняла длину юбки и на последней примерке призналась: с самого начала хотела две разные. Михаил засмеялся, попросил объяснить, как это выяснилось. Зоя встала, показала на себе, потом сама рассмеялась из-за того, как нелепо выглядят её домашние брюки в роли вечернего наряда.

Он съел две тарелки. От третьей отказался, хотя жена не предлагала. Зоя посмотрела на него с удивлением, и Михаил тоже усмехнулся.

Глава 5. Со стороны склада

На складской двери было написано «Не ходить».

Надпись сделали толстым синим маркером на обрывке упаковки и приклеили прозрачной лентой. Картон размок, загнулся по углам. Артём Бочкарёв объяснил, что висит с лета, когда во дворе перекладывали трубы. Трубы закопали, бумажку не сняли. Теперь всякий, кто не знал двор, думал, проход закрыт.

— Он закрыт? — спросил Туманов.

— Сейчас — да. Вы закрыли. А раньше кто как.

Михаил приехал к сервису в воскресенье утром. Часть необходимых действий здесь ещё продолжалась; машины стояли, клиенты звонили Людмиле и друг другу. Один мужчина устроился на корточках возле ворот и говорил с кем-то о том, что не собирается ждать неделю из-за чужой смерти. Еремеев отошёл к нему, объяснил порядок связи по выдаче автомобиля. Мужчина поднялся, отряхнул колени и убрал телефон, так и не закончив фразу.

Бочкарёв ждал у склада. Он пришёл с адвокатом, о котором заранее сообщил. Не держался вызывающе, но на каждый вопрос сначала отвечал взглядом: точно ли об этом можно говорить, если уже однажды назвали вором? Михаил не стал изображать, что заявления о пропавшем инструменте никогда не было. Уточнил порядок нынешнего участия, дал

возможность обсудить его со своим адвокатом и затем вернулся к тому, что мужчина мог показать и рассказать о пятнице.

Они проверяли дверь, запоры и обзор из соседнего двора. Бочкарёв, работавший здесь, показывал, что открывал и закрывал сам.

Мастер был широким в плечах, с короткой шеей и смешной круглой шапкой, которую стянул почти на брови. Он несколько раз пытался обойти Михаила и первым показать нужное, потом сдерживался. Возле двери показал на засов.

— Изнутри вот эта железка. Если поставить, с той стороны не откроешь. Но засов тугой, дверь приподнимать надо, поэтому и оставляли. Он обещал сделать. Я не один здесь всё делаю.

Михаил спросил, когда засов открывали в последний раз до обнаружения Муромцева. Бочкарёв назвал пятницу, около пяти. Со стороны склада пришли за несколькими пустыми ящиками; через основные ворота было неудобно. Проход позволял выйти из складского двора в общий двор сервиса. В сам рабочий бокс из него человек попадал уже обычной дверью, рядом с широкими воротами.

— Закрыли после ящиков?

— Нет. Ждал ещё, чтобы забрали остаток. Они не забрали, я уже ушёл.

— Когда ушли?

— После семи. Точное есть, я жене написал: выхожу. Она

меня с продуктами ждала.

— Нине вы обещали закрыть?

Бочкарёв снял шапку, почесал голову и надел обратно.

— Мог обещать. Я, если всем обещания записывать буду, не отремонтирую ничего. Она тоже: закрой, найди, подними. Я всё помню, только у меня две руки.

— Что помните о двери?

— Что оставил. Паша был, я ему сказал. Если не заберут, задвинь. Он ответил, давай уже иди. Я и пошёл.

Криминалист показал Михаилу зафиксированное при первом осмотре положение. После приезда служб проход ограничили. Засов и замок изучали отдельно. Само отсутствие следов грубого взлома не отвечало на вопрос, кто ходил через дверь в пятницу.

Михаил посмотрел с этой стороны на двор. Большую часть улицы закрывала глухая стена. Если встать возле Ниониной машины за основными воротами, складскую дверь нельзя было держать в поле зрения, не заглянув обратно внутрь. Зато из верхнего окна соседнего склада виднелся маленький участок прямо перед выходом.

— Это чей кабинет? — спросил он.

Бочкарёв задрал голову.

— Там не кабинет. Мужики обедают. Иногда спят. Смены по-разному.

Еремеев записал, к кому обратиться.

В боксе пахло холодным железом. Тело уже увезли; оставшееся место оказалось меньше, чем Михаил помнил. Без человека на полу вокруг верстака снова легко было увидеть работу: деталь, нужный инструмент, опору для локтя. Криминалист показал крупный снимок дверной ручки с зацепившимся обрывком перчатки. Сам обрывок изъяли при первом осмотре; на фотографии он всё равно притягивал взгляд, как ненужная оставленная вещь.

Бочкарёв остановился в разрешённом месте.

— Он всё время сюда ставил, — сказал, показывая на низкую тумбу. — Ящик на тумбу, потом не пройдёшь. Я перед уходом вниз убрал. Так что если вам кто расскажет, будто стоял наверху, это раньше было. В пятницу внизу.

Михаил уточнил, какой ящик и кто ещё видел, что его переставили. Мастер назвал Нину и клиента, который задержался с оплатой. До её ухода переставлял.

Затем они вернулись к лампе. Передвижная лампа стояла возле машины. Кабель Бочкарёв убрал от прохода, но не смотрел полностью: Муромцев ещё собирался поработать. Свет мог понадобиться под другим углом. О том, где шнур лежал после его ухода, мастер не знал.

— А вы почему спрашиваете? — произнёс он. — Кого-то током?

— Выясняем положение вещей в разное время. Расскажите, что делали сами.

— А то уже говорят. То он в яме, то его машиной. Яма там закрыта сто лет, вы же видите. Но всё равно говорят.

Михаил спросил, от кого именно слышал. Получил имена, два пересланных сообщения, ни одного человека, который сам видел происшествие. Еремеев попросил сохранить сообщения. Отдельно уточнил, кто и когда обсуждал закрытые подробности.

Бочкарёв показал, где находился его инструмент. Тяжёлая металлическая рукоять от старого домкрата обычно стояла в углу, рядом с длинными прутками. К концу пятницы он сам ею не пользовался. Мог ли Муромцев взять — мог, брал всё. В привычном углу рукояти не было. Несколько похожих вещей лежали в другом месте, и мужчина признавал, что не сразу различит их по одному рассказу о длине.

Михаил попросил перечислить, какие предметы принадлежали ему, какие мастерской и что он видел перед уходом. Бочкарёв начал уверенно, затем остановился на двух рукоятях: одной пользовался днём, о второй пришлось сказать, что не помнит.

Из приёмной принесли сведения о положении стола. Бочкарёв объяснил, что его развернули в октябре. Муромцеву дуло от окна в спину. Решили, что будет дуть в бок; стол передвинули вместе с компьютером, Нинину тумбу оставили. Мастер даже помнил, как ругались: передвинуть хотел хозя-

ин, а включать обратно пришлось Нине.

Марина описывала прежнее положение. Она возила сюда еду до весны.

— В последнее время обратно ставили? — спросил.

— Нет. Там розетка, провод не дотянется, если так. Но вы Нину спросите. Я ему стол один раз двигал, больше не соглашался.

— А днём в пятницу что-нибудь переставляли в приёмной?

— Коробку только. Из-под обогревателя. Нина под стол ногами ставила, он её вытащил: людям ходить мешает. Она сказала, люди могут и мимо пройти.

Мастер усмехнулся. Впервые на его лице появилось не ожидание обвинения, а обычное удовольствие от чужой меткой грубости.

Михаил вернулся к моменту ухода Бочкарёва.

— Павел где находился, когда вы пошли домой?

— Здесь. Я ему про дверь сказал. Он рыбу ел, потом в приёмную пошёл. Или наоборот. Но разговаривал со мной здесь.

— На чём добирались?

— За мной жена приехала. Я к ней у магазина сел. Это можно проверить. Она уже спрашивает, меня опять из-за прибора. Я ей сказал, не из-за прибора. Не знаю, правильно ли.

Адвокат попросил обсудить с доверителем относящиеся

к прежнему заявлению вопросы отдельно от нынешнего показа места. Михаил согласовал необходимое и только после этого перешёл к истории инструмента.

Бочкарёв взял диагностический прибор без спроса, чтобы в выходной помочь знакомому. Намеревался вернуть в понедельник. Тот понедельник и прошёл не так, как предполагал: знакомый оставил вещь в другой машине, хозяин машины уехал. Муромцев обнаружил отсутствие, Бочкарёв сначала солгал, что не брал. Испугался, потому что с хозяином уже спорили о деньгах за испорченную деталь.

— Потом вернул? — спросил Михаил.

— Вернул. Он и вчера у него был. То есть позавчера. Паша обещал с заявлением разобраться. Я не знаю, что он там сделал.

— Давид Горлов имел отношение к прибору?

Мастер вздохнул.

— Звонил. Спрашивал, есть ли у меня хороший тестер, человеку надо купить. Я сказал, есть, но не продаётся. Зря сказал. Потом выяснилось, он Паше это передал как будто я продаю. Вы меня не так записывайте. Я не продавал.

Михаил попросил изложить разговор и назвать время. Бочкарёв согласился предоставить соответствующую переписку, если сохранилась. Его адвокат уточнил порядок. Мужчина раздражённо выдохнул, но послушал: после первого своего «не брал» он уже понимал, как долго приходится объяснять всё, что было потом.

— Вы с Горловым в пятницу встречались? — спросил Туманов.

— Нет.

— Он к сервису собирался?

— Не знаю. Он всем говорил, собирается. Если кто запчасти ищет, он уже едет. Может месяц ехать. Паша над ним смеялся, но опять звонил.

Михаил спросил о других людях, которых ждали или видели вечером. Бочкарёв назвал Лутова.

— Лично видели?

— В пятницу не видел. Паша про него сказал. Что ещё один устроиться хочет. Я спросил, он Андрейку обратно возьмёт? Паша говорит, посмотрим, ему пока на ноги встать. Я только не понял, почему сейчас. Он же давно вышел, не вчера.

— Раньше вместе работали?

— Немного. Я пришёл, Андрей уже уходил. До того суда ещё. Мне про аварию потом рассказали.

— Сам Лутов что говорил о суде, когда вернулся?

— Со мной — ничего. Я ему не тот человек. Он один раз про дорогу спросил, в другом месте ворота закрыли. И всё. Он здесь к Паше, не ко мне.

Бочкарёв назвал ещё Виктора Антипова, постоянного клиента. Тот ремонтировал у Муромцева несколько машин, привозил знакомых, мог приехать без записи. В пятницу, по словам мастера, созванивался с Павлом, но после ухода Боч-

каре́ва или раньше — мужчина не брался утверждать. Слышал имя, видел, как хозяин отнёс телефон к окну.

Михаил записал имя с телефоном, который обещали найти в рабочих контактах. Подробности нынешнего дела на весь сервис по-прежнему не сообщали. Для каждого из новых людей следовало сначала сохранить возможность рассказать собственный вечер.

В складской комнате действительно спали. Двое работников отдыхали после ночи; третий разогревал в микроволновке еду, стоя босиком на маленьком коврикe. Он поспешно начал обуваться, увидев Михаила и Еремеева, хотя капитан сразу сказал, что торопиться не нужно.

Мужчину звали Степан Селиванов. Он следил за выдачей товара в смене, в пятницу работал до девяти. В комнате подогревали чайник и ели, но за окном он постоянно не сидел.

— Сервис я видел, — сказал Степан. — Вчера тоже. Тут все друг друга видят. Но как чтобы специально смотреть, этого нет.

Михаил попросил вспомнить вечер по собственным делам. Селиванов назвал разгрузку, потом машину, которая приехала не к тем воротам, потом позднего водителя. После семи поднимался за курткой. Снова ходил за чаем. Кто-то находился у складского прохода сервиса, но он подумал,

свои.

— Лицо видели?

— Нет. Спину. Капюшон. А когда выходил, боком ко мне, телефон у уха. Я не присматривался. Мне поздний водитель звонил, что он не может найти въезд.

— Этот человек вышел из сервиса?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.